УДК 93/94
ББК 63.3(2)4
DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-90-103

Е. М. Попова

«А ПОСОЛСКИЕ ДЕ ПИСМА … ВСЕ В ВОДУ ПОМЕТАЛИ»: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Исследователям Смутного времени в России начала XVII века не приходится жаловаться на отсутствие источников. В последнее время в научный оборот введены источники в рамках отдельных статей[1] и монографий[2]. Однако этот период русской истории многогранен, сложен и проблематичен, что выявление и научная обработка новых источников может только приветствоваться, поскольку они способствуют расширению возможностей для воссоздания более детальной и реальной картины событий того времени. В этой связи нам бы хотелось обратить внимание на ряд документов, касающихся событий в Новгородской земле в период шведского правления.

Характер управления Новгородом с 1611 по 1617 год до сих пор до конца не определен. В кругу исследователей все еще обсуждается вопрос о правомочности использования термина «шведская оккупация» и возможности его замены альтернативным понятием – русско-шведский альянс, имея ввиду, что власть одновременно сосредоточивалась в руках шведского военачальника Якоб Делагарди и боярина Ивана Никитича Большого-Одоевского[3].

В настоящее время принято считать, что на всем протяжении шведского периода обстановка в Новгороде была относительно стабильной, что, однако, не исключает негативных явлений. Преступные действия, совершавшиеся в то время, представлены в следственных делах из фонда Новгородского оккупационного архива[4], которые использованы в исследованиях А. А. Селина, Н. Б. Безус[5].

Часть новгородских документов судебного характера начала XVII века находится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН) в коллекции С. В. Соловьева (коллекция 124), которые могут представлять интерес для историков,

[1] См., например: *Нордквист Л.* Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. №2. С. 285–303; *Башнин Н. В.* Сбор налогов в смуту на северо-западе (по новгородским документам из архива СПбИИ РАН) // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 60–72.

[2] *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 690–692.

[3] *Болдырев Р. В., Кончакова Е. М.* Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 175–182.

[4] Riksarchivet, Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403.

[5] *Селин А. А.* Новгородское общество… С. 107–111; *Безус Н. Б.* Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 73–80.

изучающих социально-правовые аспекты жизни Новгорода в период присутствия там шведов. Наше внимание привлек комплекс источников, связанный с делом об ограблении судна английского посла на реке Луге, предположительно, в 1615 году. Несмотря на отсутствие следственного дела в полном объеме, выявить детали события и конкретизировать ход расследования позволяют отписки воевод, которые образуют указанный комплекс. Он позволяет обратить внимание на неординарный аспект Смутного времени, связанный с криминальными преступлениями. Важно и то, что тексты данных отписок до сих пор не становились предметом специального исследования среди отечественных и зарубежных историков.

После избрания Михаила Романова в 1613 году на русский престол, характер русско-шведских отношений стал меняться в сторону осложнения, все острее возникал вопрос о подписании мира между двумя странами. Вести русско-шведские переговоры был отправлен английский посол Джон Меррик, который находился в России с лета 1614 года вплоть да заключения мирного договора. Все это время его судно стояло в Новгородских водах. Воспользовавшись этой ситуацией, новгородские крестьяне решили пограбить судно, что и стало причиной запуска следственной процедуры.

Всю информацию о ходе следствия мы получаем из отписок воевод, которых, на данный момент в нашем распоряжении четыре. Они датируются 1616 годом, одна из них написана от лица Якоба Делагарди и адресуется ивангородскому воеводе Федору Аминеву, две являются ответом Ф. Аминева Анцу Бою и Я. Делагарди, а также одна отписка ямского воеводы Никиты Калитина также адресована новгородскому воеводе Я. Делагарди. Все отписки представляют собой подлинники, написанные на одном – двух листах. Документы оформлены хорошим канцелярским почерком, со схожей смысловой структурой. Из текста источников становится понятно, что поиск разворачивался на территориях Шелонской и Водской пятин, которые были разделены рекой Лугой, на берегу которой стояло английское судно. На сыск грабителей Делагарди привлек ивангородского и ямского воевод Федора Аминева и Никиту Калитина, а также требовал отчитываться лично ему и отправлять всех виновных на допрос в Новгород. Данная информация свидетельствует о том, что в силу вступал воеводский суд – инстанция, занимавшаяся наиболее важными судебными делами[6]. Примечательно, что судебные процессы с участием воевод, в том числе самого Якоба Делагарди, в период шведского присутствия, встречаются крайне редко. Так, заинтересованность высшего эшелона власти в отправлении правосудия наблюдается в связи с наиболее серьезными преступлениями, такими как государственные измены[7]

[6] *Безус Н. Б.* Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2011. № 14. С. 48.

[7] В данном случае мы используем категорию «государственная измена», предложенную А. А. Селиным. Подробнее см.: *Селин А. А.* Новгородское общество. СПб., 2008. С. 107–111. Под эту категорию можно отнести следующие документы: Допросные речи в доме Парфения и Самойла Нарбековых об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Федора Одинцова и подьячего Ивана Лазорева, 11 июля 1613 г. // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 1–3; Допросные речи в домах Угрима и Богдана Лупандиных об отъезде их хозяев из Новгорода по сыску Андрея Неелова и подьячего Ждана Максимова, 11 июля 1613 г. // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 4–7; Допросные речи в доме кн. Юрия Мещерского об отъезде хозяина из Новгорода по сыску Алексея Аврамовича Колычева, 11 июля 1613 г. // RA, NOA. Serie II: 245. Л. 8.

или связь с политическими противниками[8]. В данном случае можно говорить о разбойных действиях в отношении иностранцев, что также попадает под категорию тяжких уголовных преступлений.

Первый документ – отписка ивангородского воеводы Федора Аминева Я. Делагарди по делу об ограблении на реке Луге судов английского посла[9] – написан скорописью XVII века. Качество сохранности бумаги и чернил отличное. Дело состоит из двух листов, один из них исписан полностью, с оборотом, а на втором информация представлена на полулисте. Оба листа написаны хорошо читаемым канцелярским почерком. Дата на документе отсутствует. Условно мы бы хотели разделить документ на четыре смысловых части: первая – преамбула – обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; вторая – конкретные предпринятые меры, расспросные речи; третья – ближайшие перспективы по делу; четвертая – итоговая: промежуточные выводы и констатация дальнейших действий.

Из документа становится понятно, что воевода Новгорода Якоб Делагарди, поручил ивангородскому воеводе Федору Аминеву расследовать дело, связанное с ограблением судна английского посла (*Джона Мерика – прим. авт.*), которое произошло в 1615 году. Ф. Аминев в своей отписке сообщает Делагарди о проделанной работе. Документ начинается с обращения воеводы Аминева к воеводе Делагарди: «*Королевского величества и ноугородцкого государства боярину и болшому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу на лехкою волному господину в Екхолме, в Колке и в Рунсе, Федор Аминев челом бьет*». Далее ивангородский воевода описывает Делагарди свои обязанности, т.е. что ему поручено делать. Из данной части документа мы можем выяснить краткое описание сложившейся ситуации, а также выявить, что необходимо найти награбленное имущество английского посла, из которого наибольший интерес представляют посольские книги и письма. Также в данной части документа прослеживается информация о том, кто подозревается и кого необходимо найти и допросить.

Следующая часть документа повествует о том, что 29 мая 1616 года в Ивангороде были найдены три фигуранта по делу об ограблении, которых привлекли к расспросу с применением пытки. В расспросных речах все три крестьянина дали показания, каким образом каждый из них причастен к делу. Далее документ по смыслу делится на три подблока: приводятся речи каждого из пойманных крестьян поочередно. В общем, у всех троих показания сходятся: все пойманные крестьяне непосредственно грабить судно не ходили, главным ответственным лицом они называют псковских шарпальников (*грабителей – прим. авт.*) во главе с Прошкой Хромым. Все трое пришли «добирать» потерянное или не заинтересовавшее шарпальников имущество, а именно: немецкие юбки, чулки, рубахи, попоны лошадиные и т.д. Один из крестьян награбленное спрятал в лесу, у другого все отняли другие разбойники, а третий отдал всю «посольскую рухлядь» шведским приставам,

[8] Дело по письму князя Василия Иванова Белосельского и Степана Фомина Тимашева о незаконной торговле людей Старорусского уезда Должинской волости и Порховского уезда дворцовых сел с псковскими людьми, январь 1613–января 1615 гг. // RA, NOA. Serie II: 20. Л. 1–17; Расспросные речи новгородцев про дела в Москве, Смоленске, Пскове, 30 сентября 1616 г. // RA, NOA. Serie II: 39. Л. 1, 4.

[9] Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. 2 л.

за что получил отпускную грамоту. Все три крестьянина сообщают, что книга и письма не у них, а также указывают тех, у кого могут быть документы.

Далее текст документа повествует о том, что ивангородский воевода Федор Аминев начал поиски по «скаскам» подозреваемых. С этой целью он отправил отписку старосте Фектисту Муравьеву, чтобы тот приступил к сыску. Тут же воевода упоминает о том, что староста сыскал еще не всех причастных, и поиск продолжается. Однако книгу и письма среди награбленного имущества обнаружить так и не удалось, ввиду того, что один из подозреваемых бежал в Шелонскую пятину.

В конце документа Федор Аминев говорит о том, что все найденное имущество будет держать при себе, а всех причастных к делу посадят в тюрьму до указа Делагарди. Поиск продолжится до тех пор, пока не будет раскрыто преступление полностью. Однако обо всем воевода обещал сообщать Делагарди в Новгород незамедлительно.

Второй документ – отписка Федора Аминева Новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге Полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород[10] – также написан скорописью XVII века. Сохранность текста и писчего материала хорошая. Документ представляет собой подлинник на полулисте с оборотом, печать утрачена, почерк хорошо читаем. Документ датируется 30 июня 1616 года. Условно мы бы хотели разделить документ на три смысловых части: первая – обращение к адресату и изложение уже имеющихся данных по судебному делу; вторая – изложение новой информации; третья – конкретные выполненные действия.

В документе повествование идет вновь от лица Федора Аминева, который обращается к воеводе Анцу Бою и пересказывает ему всю имеющуюся информацию, о которой нам известно из предыдущей отписки. Далее появляются новые детали следствия, связанные с данным указанием Старосте Фектисту Муравьеву искать крестьян Фишку Носова и Трешку Ондреева, у которых, по «скаскам» должно было быть письмо и книги посла. Однако Аминев жалуется, что староста отказался выполнять распоряжение ивангородского воеводы о сыске и конфискации награбленного имущества у крестьян, ссылаясь на то, что ему не поступало распоряжение боярина (*скорее всего – Делагарди – прим. авт.*). В заключении воевода доложил, что часть крестьян все еще находится в розыске, а трое первых допрошенных (Ивашка, Левушка и Гришка) были отправлены в Великий Новгород. Таким образом, мы получаем небольшую порцию новой информации, связанной с поиском причастных к грабежу крестьян.

В то же время, 30 июня 1616 года, был написан третий документ – отписка ямского воеводы Никиты Калитина ратному воеводе Якобу Делагарди о поимке воров, ограбивших английского посла[11]. Документ прекрасно сохранился, представляет собой подлинник на листе с оборотом, почерк хорошо читаем. Данную отписку условно можно разделить на четыре части по аналогии с первым документом.

[10] Текст был опубликован нами ранее. Подробнее см.: *Попова Е. М.* К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П.М. Машерова». Витебск, 2018. Т. 28. С. 65–69.

[11] Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. 1 л.

Из документа следует, что воевода города Ям тоже уже получил инструкции от Делагарди, по которым действовал: искал воров в Ямском уезде, связывался с Ивангородским воеводой, а также отправил троих подозреваемых в воровстве в Новгород. Процедура сопровождения троих крестьян описана достаточно подробно. Далее воевода пишет, что по делу были привлечены новые люди, которые могли знать о причастности старосты Спирка к краденому имуществу, все они были вызваны на допрос. Результатом допроса было составление расспросных речей, которые кратко характеризуются с приведением общих выводов в тексте отписки. Сами речи как отдельный документ были отправлены в Новгород к воеводе на контроль. В конце письма Калитин задает Делагарди вопрос о дальнейших действиях: кого самостоятельно допрашивать с применением пыток, а каких подозреваемых отправлять в Великий Новгород. В итоге ямский воевода констатирует факт продолжения сыска.

Расспросные речи, которые воевода Калитин собрал с приведенных к нему людей и выслал в Новгород, были обнаружены нами в опубликованном в XIX веке сборнике документов[12]. В сборнике документ характеризуется как черновой подлинник, писанный стобцом на пяти листах[13]. Дата указана как начало XVII века, но мы смеем предположить, исходя из сведений по отписке Калитина, что речи были составлены в начале июня 1616 года. Документ также был взят из коллекции С.В. Соловьева, который вывез его из Швеции.

Расспросные речи начались с показаний детей боярских братьев Ивана и Осипа Петровых, которые дали одинаковые показания: себя ворами не называют, с ворами в сговор не вступали, украденные вещи у себя не хранили. Грабителями называют двух крестьян с Красной Горы и двух крестьян с деревни Клескуши, остальных не знают. Следом к расспросу были привлечены жены Иванка и Фишка с Клескуши. Матрена, жена Ивана, сообщила, что муж ее грабить не ходил, но опасаясь быть обвиненным, прячется в лесу. Преступниками она называет Федьку Мезжерина и Иванку Гаврова. Жена Фишка, Ирина, также сказала, что ее муж не ходил грабить. Преступников она насчитывает 12 человек, в том числе Иван Гавров, Гришка Лисков и Федька Мезжерин. Из слов Ирины складывается картина не о грабеже, а о разбое, т.к. она говорила о хорошо спланированных и умышленных действиях: «*с вестью к тем вором приходил Ямского уезду тот Федка Мезжерин да им про то судно сказал, и воры де с ним того судна в Клескуши ждали день да не даждався легли спать, а те де Ивашко Гавров и Лисков сын сено косили и увидели ночью, что то судно пловет Лугою и тот де Гавров и Лисков сын тотчас чех воров збудили и про то судно им сказали и на завтрее де те воры то судно сустили под Наклом деревнею, от Клескуш в пяти верстах, да разгромили*»[14]. По показаниям жены Фишка искать письма и посольские книги уже не стоило, т.к. их воры попросту побросали в воду. Далее следуют речи крестьянских мужиков из деревни Хилка. Иван Исаков сказал, что он знал о ворах, поэтому стоял на карауле, чтобы предупредить судовых людей и предложили встать в другом месте,

[12] Расспросные речи о разграблении на реке Луге судна с имуществом английского посла, нач. XVII в. // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Т.3. С. 271–276. №330.
[13] Там же. С. 276.
[14] Там же. С. 273.

однако те их не послушали. Также он сказал, что нарочно были отправлены люди в Сомерскую волость к старостам, чтоб сообщить о случившемся, т.к. поймать воров, по мнению, Ивана несложно, люди «невеликие», по его мнению. Полагаем, что он имел ввиду не серьезную преступную группировку, а шайку местных разбойников. Однако старосты Сомерской волости не восприняли вести всерьез. Имен преступников Иван не знал, но указал на своего друга Сеньку, который, по его мнению, был более осведомлен. Конечно, следующим был допрошен Сенька, который назвал имена крестьянских мужиков, уже нам известные, однако помимо них было еще 13 воров.

Следом расспрашивали Федьку Мезжерина с применением пыток. Он сказал, что с ворами были мужья Ирины и Матрены, которые припрятали посольские письма, остальное поделили с казаками между собой. Часть из награбленного была продана (одежда) старосте Спирку. К старосте вещи, действительно, везли на Федькиной лошади, это он признал. Чтобы доказать свою невиновность, Федька в расспросе просил вызвать Клескушских и Нокольских мужиков вместе с ним на очную ставку. После такого заявления жену Ивана Агафонкова, Матрену, допросили вновь с применением физического воздействия. Она лишь сказала, что в деревне у них было какое-то оставшееся посольское добро, но его отправили к воеводам.

Далее был допрошен Якушка Тимофеев из деревни Сары, который сказал, что заморскую одежду выкупили для старосты Спирка и ему отвезли. Мишка Самсонов также отвел подозрения от себя и указал на Фишко Клескушского, который ходил грабить с псковскими ворами. Якушка Тимофеев с Крекшиной деревни и племянник старосты Спирка, Сенька, сказали, что причастен к грабежу Сидорка Мазиха, который продал старосте Спирку посольскую одежду, правда Сенька не знал, выкупил ли его дядька ту «рухлядь». Микита Терехов сказал, что из его деревни, по приказу Ивангородского воеводы Эверта Бремена, мужики ходили шарпать пограбивших посольское судно крестьян и взяли у них кое-какое имущество. Последним был опрошен Сашко Васильев, который сказал, что был у шишей, которых около 30 человек, все местные жители. Они стояли на Сабе и собирались идти в Псков. Они занимались грабежами неоднократно: уже ими было ограблено Ямское судно с рожью, а иностранный купец был избит[15].

Такую информацию выслали Делагарди в Новгород, который должен был отправить новые инструкции. К сожалению, последующие документы для Никиты Калитина нами обнаружены не были. Однако была найдена еще одна отписка, которая адресовывалась вновь ивангородскому воеводе Федору Аминеву.

Четвертый документ – отписка воеводы Якоба Делагарди воеводе Федору Аминеву в Ивангород о продолжении розыска по делу о грабеже рухляди, книг и писем у английского посла[16] – подлинник, написанный скорописью XVII века на 1 листе. Сохранность бумаги и чернил хорошая. Почерк неаккуратный, но читаемый, присутствуют исправления и зачеркивания. Документ датируется 9 июля 1616 года. Условно можно разделить текст документа на три смысловых части: первая –

[15] Подобная практика грабежей иностранных судов местными крестьянами неоднократно встречалась на рубеже XVI–XVII вв. Подробнее см.: Бессуднова М. Б. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 135–147.

[16] Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 661. 1 л.

обращение к адресату, вторая – перечисление полученной прежде информации отправителем, третья – дальнейшие инструкции и указания к действию.

Из данного документа следует, что Якоб Делагарди получил предыдущие отписки воевод и уже знает, кто задержан, допрошен и какое имущество изъято. Также он осведомлен о тех, кто взят на поруки и отправлен в тюрьму, и одобряет действия ивангородского воеводы. В тексте мы встречаем дальнейшие указания: удерживать в тюрьме подозреваемых, имущество хранить в королевской казне, продолжить сыск. Также Делагарди упоминает, что староста Фектист Муравьев пришлет беглых подозреваемых, а это может означать, что жалоба на него, которую до этого озвучил Аминев, получила отклик у высшего эшелона власти. Всех новых подозреваемых боярин велит содержать в тюрьме до особого указа и обо всем неминуемо отписывать лично ему – Делагарди.

Более по данному делу нами документов обнаружено не было. Мы не исключаем, что они могут храниться в архиве, и пока нам не известны. Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что отписки воевод образуют комплекс источников, изучение которого помогает воссоздать содержание отдельного судебного прецедента, в данном случае ограбление судна английского посла в 1615 году. Документы предельно конкретны, что дает возможность выяснить, время и место совершения преступления, его организацию, содержание добычи, методы ведения расследования. Данный казус свидетельствует о существовании организованного промысла, связанного с перехватом кораблей, вне зависимости от их назначения (дипломатический, торговый). Безусловно, отписки не дают полной информации о завершении судебного разбирательства, о мерах наказания и т.д., т.к. является лишь промежуточным звеном в сложной цепи фиксации следственного процесса. Важно отметить, что дело об ограблении судна английского посла являлось значимым для шведско-новгородских властей, т.к. на поиски виновных были брошены все силы, а само преступление попало под юрисдикцию воеводского суда, и было поставлено под контроль Делагарди. На наш взгляд это было связано не только с собственно важностью данного дела, но и с тем, что шведско-новгородские власти все еще были заинтересованы в сохранении порядка на подконтрольной территории. Однако все-таки не стоит забывать и тот факт, что следственная процедура активизировалась в момент ухудшения дипломатических переговоров между Москвой и Стокгольмом при посредничестве английского посла.

№ 1

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Санкт-Петербурге, в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. №659. Текст отписки расположен на 2 л. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знак сохранены в соответствии с текстом оригинала. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных вводится примечание автора. В скобках указывается год по летоисчислению от Рождества Христова.

(*Л. 1*) Королевского величества и ноугородцкого государства боярину и болшому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу на Лехкою, волному господину в Екхолме, в Колке и в Рунсе, Федор Аминев челом бьет. Нынешнем, государь, 124-м (1616) году мая в 28 день писано от тебя великого боярина ко мне в Ивангород, что ведомо тебе учинилос в прошлом де государь во 123-м (1615) году розгромили шиши на реки на Луге аглиского посла суды и поимали ву тех судех посолские суды серебные и платье и всякои посолскои запас. И мне б про то послати проведати в Сумерскую волость от себя неметцких и русских людеи и велети б про тот посолскои грабежнои про всякои живот сыскати. А где сыщетца и тех воров переимати и привести б велети в Ивангород, а как приведут и мне б тех воров, у кого тот посолскои запас сыщут, прислати к тебе великому боярину в Новгород вскоре с неметцкими людьми, которые поидут в Великий Новгород. А будет неметцкие люди вскоре в Новгород не поидут, и мне б их посадити в тюрьму до твоего боярского указу. Да о том бы о всем отписати подлинно к тебе великому боярину. И маия государь в 29 день изымали на Иванегородцком посаде Дремяцкого погоста с Полужя деревни Клескуш (*Клескуши – прим. авт.*) крестьянина Иванка Гаврова да деревни Накла (*Накол – прим. авт.*) Левушку Тимофеева, да Гришку Олисова Лус. В роспросе, государь, нам и у пытки сказали про аглинского посла судно как ево громили на Луге реке. А приходили де шарпалники изо Пскова атаман Прошка Хромои, а с ним казаков тринатцат человек. А сумерских де государь мужиков с теми казаки не было. И как де они то судно розгромили и посолскую рухляд розграбили, и они де назад трее ходили побират досталные рухляди, чево они с собою не подняли да с ними ж де государь ходили из того ж Полужя деревни Клескуш (*Клескуши – прим. авт.*) Фишко Носов да Трешка Ондреиков да Ястребинского погоста деревни Ганкова Федка Меженин. И у него де Иванка с товарыщем деревни Хилка (*Хилок – прим. авт.*) с Ыванком взято было тое посолские рухляди юпок неметцких с полдесятка и иное мелкое платишко и то де у них все пришод пограбили сумерские волости крестьяне деревни Сары Микитка с товарыщи. А Левушка // (*л. 1 об.*) Тимофеев деревни Накла (*Накол – прим. авт.*) в розпросе и у пытки сказал, что они с казаки шарпат не ходили. А он де государь Левушка с товарыщи ходили на завтрее шарпалнитцкои погромки к тем судом и взяли он, Левушка, тои посолски рухляди, что казаки покинули: шляпу неметцкую да чюлки, да две юпки неметцкие вязены белы, да полсть, да сапоги неметцкие, да попону лошединую, да полог полотнянои и тои де государь рухляди отняли у него Левушки сумерские волости крестьяне деревни Сары Михалка с товарыщи. Полсть да сапоги, да попону лошединую, да полог, а досталь и ныне (*достальные*) де лежит тои рухледи шляпа да чюлки, да две юпки у него Левушки и та государь рухляд лежит у него от деревни Накла (*Накол – прим. авт.*) верстах в дву в лесе и мы, государь, тои рухлядишка послали сыскиват. А Гришка сказал взял де он две юпки неметцких да кафтанишко руское, да две рубашки мужских неметцких и иное мелкое рухлядишко драное. И сведав де у него тои рухлядишко имали неметцкие люди в Заретцком остроге и его де пытали, и он де государь тои рухляд посолскую, что он взял отдал в Заретцком остроге немцом Арману Иванову да Аксел Мартынову и в зем (*взамен/взаем*) де тое ихнего рухляд ево Гришку отпустил домои и грамоту ему дал отпускную. А книги де и письмо неметцкое збирали крестьяне Фишко Носов да Трешка

Ондреев, а ныне они приставают в том же Полуже в Дремятцком погосте в деревне Накле (*Накол – прим. авт.*) Блиском острошку где стаыт Феклист Муравьев. И мы государь о тех крестьянех к Феклисту писали, чтоб их сыскав прислал для сыску к нам в Ывангород. А для государь сыску послали мы в Сумерскую волость по земского дьячка по Агея Лялина да по старосту по мирскои сотни по Спирка Иванова з братом да по Степанка Торокана // (*л. 2*) да по Сидорка Мазиху. И земскои государь дьячок Агеи да староста Спирко Иванов сказал перед нами, что они по приказу Иванегородцкого воеводы Аверт Бремена сыскивали у Микитки Сарского да у Сидорка Мазиха тое ж посолские рухляди купленые, и что они взяли у полужских мужиков и сыскали две полсти да шубу выдреную неметцкую да две юпки да попону лошединую да штаны неметцкие отлас чорнои, да полог бранои, да сермягу ветчаную, да скатерть ветчаную, да сукно ормячное белое локоть с пятнатцат, да юпка неметцкая драная, и де ту они рухляд отвезли в Ывангород к воеводе Аверт Бремену. А Степанко Торокан де государь сщол с шарпалки тому год, а Сидорко де, государь, нынешнего 124 (1616) году марта в 29 день збежал в Шелонскую пятину. И мы, государь, послали по того Микитку Сарского для сыску тое ж посолские рухляди. А тех, государь, полжуских мужиков трех человек посадили в тюрьму до твоего боярского указу. А сумрского старосту Спирка Иванова дали на поруки до твоего ж боярского указу, и что государь впред сыщетца и мы, государь, к тебе великому боярину отпишем вскоре.

№ 2

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Санкт-Петербурге, в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Кол. 124. Оп. 1. Карт. 1. №660. Текст отписки расположен на 1 л. с об. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знак сохранены в соответствии с текстом оригинала. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных вводится примечание автора. В скобках указывается год по летоисчислению от Рождества Христова.

(*Л. 1*) Его королевского величества боярину и болшому ратному воеводе государю Якову Пунтусовичю Делегарде графу в Лекке, волному господину в Екхолме, господину в Колке и в Рунсне, моему ласковому государю и помощнику Микита Калитин челом бью. Писано, государь, в твоеи грамоте ко мне в Яму город с Петром Хомутовым мая в 27 день в прошлом во 123-м (1615) году, розгромили шиши на реке на Луге аглинского посла суды, и поимали в тех судех суды серебреные и плате, и всякои посолскои запас. И ныне ведомо тебе, государю, учинилось что те шиши живут в Яме городе и в Ямском уезде в погостех и мне бы тех воров сыскав, велети переимати. И по тои твоеи, государь, грамоте я сыскивал всякими сыски тех шишеи и в Яме городе и в Ямском уезде – нигде таковы люди не обявливалися. И июня, государь, в 22 день писал ко мне в Яму город из Ыванягорода воеводы Ондреи Ириков да Федор Аминев и прислали трех человек полуских крестьян, которые были изыманы у них в Ывангороде для сыску посолские рухляди: Левушка Тимофеев да Гришка Лисков с Нокла (*Накол – прим. авт.*) деревни, да Ивашко с Клескуши, и нам бы их

послати к тебе ко государю в Новгород. А изыманы, государь, те мужики в Ыванегороде по нашему ж сыску, мы об них писали в Ывангород мая в 27 день к Ыванегородцким воеводам к Ондрею Ирикову да к Федору Аминеву по язычнои молвке, что нам в роспросе на них сказали з Дубецкого Петровы крестьяне Глотова Фенко Зеновьев да Игнашко Захарев, что те мужики в Ыванегороде, а тои посолскои аглинского посла казны приточны и про тое аглинского посла казну ведают, вместе с казаки то судно громили. И мы, государь, тех трех мужиков послали к тебе ко государю в Великий Новгород с Ыванегородцким пушкарем с Баженком Ивановым июня в 24 день до Заречья. А в Заречье писал, государь, я к Лашкапелю (*De la Chapelle – прим. авт.*) и к Петру Хомутову, чтоб они тех мужиков послали в Новгород с великим береженьем, провожатых бы дали сколько человек пригож, как бы мочно их до Новагорода довезти. А в нашем, государь, сыску на тех мужиков на Левушку с товарыщи многие и иные языки говорили, которые у нас на Ямегороде, что они Левушка и Гришка, и Ивашко с воры с казаки на погромке вместе у посолскова судна были. А сыскивали, государь, мы с Клаусом про то дело всякими сыски накрепко по прежним твоим, государь, и по нынешнем по указным грамотам. Товарыщ мои Клаус да и я посылали в Сомерскую волость в Осминскую сотню и в Микифоровское поместье Бибикова в верх по Луге реке салдатсцкого лютмана Ивана с салдаты, а салдат с ним 20 человек, по тех воров на которых мы наперед сего к тебе, ко государю, писали по старосту по Спирка Отонского с товарыщи, которы его посолскои казны были винны. Да и к Фектисту Муравьеву о том писали ж // *(л. 1 об.)* и велели ему также посылати от себя, и тех воров переимати. И июня, государь, во 2 день писал к нам Фектист Муравьев и прислал дву человек детеи боярских Ивана да Осипа Петровых, детеи Глотова, да дву человек крестьян их с Хилка (*Хилок – прим. авт.*) деревни Иванка Исакова да Сенку Сергеева, да дву жонок з деревни с Клескуши Иванкову жену Матреху да Фишкову жену Ириницу. Да июня в 3 день привел к нам лютман Иван четырех человек крестьян Сомерские волости Осминскои сотни с Крекшина деревни Якушка Тимофеева да с Сары Микитку Терехова, да с Отони деревни старостина Спиркова племянника Сенку Семенова, да з Дубровы деревни Калинку Иванова, да Дремяцкого погоста з Дубецкого деревни Мишку Самсонова, да детину Сашка Васильева. А что, государь, в роспросе нам сказывали те дети боярские и крестьяне, и жонки, а роспрашиваны порознь и х пытки привожены. И у пытки, что говорили про тое посолскую аглинского посла про казну и что сказали Ямского уезда Ястребинского погоста деревни Гонкова на Федку Мезжерина, что он, Федка, туто ж на погромке с воры с казаки у тои посолскои казны был и тот Федка у нас где на Яме городе, и что он в роспросе и пытки говорил про тое посолскую казну. И мы те все их роспросны речи послали к тебе ко государю за своими руками. А все они про посолское платье в роспросе и у пытки сказывали, что то все посолское плате: шляпы и юпки, и штаны, и чюлки у воров откупили Сомерскои волости Стеребыш, Сидорко Мазиха, да кузнецов сын на того на старосту на Спирку Отонского и вез то плате к нему, Спирку, на тои на Федкинои лошади Мезжеренина. А тот староста Спирко изыман и сидит в Ыванегороде за приставом, да и диячок Агеико Лялин, с которым он, Спирко, тем посолским платем делился, а те, государь, люди, которые у нас на Яме на его Спирка говорили и те крестьяне, и две жонки, и Федка Мезжерин сидят за приставы, а тех четырех человек

Сомерских крестьян послали мы в Ывангород, а говорили они те ж речи. И тебе, государь, велети о том нам указ учинити, чтоб того старосту Спирка взяти сюде к нам на Яму город по язычнои молвке для тое посолские казны на очную б ставку с теми людьми, хто на них говорил. Да и о том бы тебе, государю, велети указ учинити здесь ли их велети пытати или их всех к тебе, ко государю, в Новгород послати. А на которых крестьян деревни Клескуши на Иванка прозвище на Огафонка да на Фишка говорили в посолских писмах, что грамоты и книги у тех крестьян собраны и положены в коробью и схоронены, и мы, государь, по тех мужиков по Иванка и по Фишка послали и велели их переимати. Будет мочно где сыскати их по тому, государь, что те мужичьи жоны у нас на Яме городе поиманы, а они Иванко и Фишко бегают и как, государь, их изымут и к нам приведут, и мы пошлем их к тебе ко государю в Великий Новград тотчас.

№ 3

Текст публикуется по столбцам, хранящимся в Санкт-Петербурге, в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. №661. Текст отписки расположен на 1 л. При публикации титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку. Устаревшие буквы не используются, ь и ъ знак сохранены в соответствии с текстом оригинала. Пунктуация, деление на фразы и абзацы принадлежат публикатору. Для уточнения географических названий, имен собственных, исправлений, имеющихся в тексте источника, вводится примечание автора.

(*Л. 1*) Королевского величества боярин и большеи ратнои воевода Яков Пунтосович Делегард граф на Лехкою, волнои господин в Екехолме, в Колке и в Рунсе даю ведомо в Ывангород воеводе Федору Григорьевичу Аминеву. Писал (ты – *зачеркнуто – прим. авт.*) еси ко мне, что ты по моеи грамоте сыскивал про казну аглинсково посла, хто ее громил, и сыскал в Ыванегородском посаде полужских крестьян трех человек: Иванка да Левку, да Гришу. И что оне в роспросе и у пытки про рухляд аглинсково посла сказывали. Что по их скаске послали вы для сыску в Сумерскую волость по старосту (з братом – *приписано сверху – прим. авт.*) и по земского дьячка, да по Степанка Торокана, да по Сидорка по Мазиху. И что сыскали рухляди по их скаскам. А о крестьянех о Фишке Носове, да о Трешке Ондрееве писали вы к Фектисту Муравьеву, а по Микитку (*сверху надпись зачеркнута – прим. авт.*) Сарского для сыску тое ж посолские рухляди послали. И тех полужских мужиков трех человек посадили вы в тюрму до моего указу, а Сумерского старосту Спирка дали на поруку. И мне то ведомо. И как к тебе ся грамота придет и ты б полужских крестьян трех человек велел держати до указу в тюрме, а что рухляди посолские сыскано, и ту б рухляд потому ж держал в государеве королевскои казне до указу ж. А как Фектист Муравьев к вам крестьян Фишка да Трешку пришлет и Микитку (Сидорка – *зачеркнуто сверху – прим. авт.*) Сарского сыщет и к вам приведет, и ты б про рухляд и про книги, и про писмо аглинсково посла потому ж бы сыскивали накрепко всякими сыски. (И по Михалку с товарыщи в деревню в Сарышах, которых сказывал про ту рухляд Левушка для сыску посылал – *приписано сверху и сбоку – прим. авт.*). Да что сыщетса какие

рухля и писма посолского, и ты ту рухляд и писмо, взяв, держал бы в государеве ж в королевскои казне. А тех людеи, у кого сыщут что или по их скаскам у кого что сыщут, и тех бы еси людеи велел посадити до указу в тюрму ж. Да что вперед какие рухляди и писма сыщете, и у кого измянем и кого в том деле в тюрьму посадите, и ты б о том отписал о всем ко мне. А старостиных бы товарыщеи – земского дьяка Агеика Лялина и старостина брата (да Степанка Торокана, да Сидорка Мазиху – *зачеркнуто – прим. авт.*) велел дати на поруку до указу. А (буде – *зачеркнуто – прим. авт.*) толко с поруки не будет, и ты б их велел посадит в тюрму до указу ж. Да о том ко мне отписал. Писан в Великом Новегороде лета.

Информация о статье

Автор: Попова Елизавета Михайловна – ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-6929-0999, Web of Science Researcher ID: AAG-3426-2019, SPIN-код: 9836-1731; e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Заголовок: «А посолские де писма…все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле начала XVII века

Аннотация: В рамках данной статьи рассматривается один из неординарных аспектов Смутного времени, а именно, пример преступной деятельности в Новгородской земле начала XVII века, который попадал под юрисдикцию новгородского воеводского суда. Исследование произведено на основе ряда воеводских отписок и расспросных речей из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, часть впервые публикуется в полном объеме и тем самым вводится в научный оборот. Документальный комплекс, использованный в данной работе, касается ограбления судна английского посла Джона Меррика, видного дипломата, который участвовал в переговорном процессе по поводу заключения Столбовского мира 1617 года. В 1615 году корабль Меррика был ограблен новгородскими крестьянами и казаками. Документы, представленные в статье, раскрывают содержание криминального инцидента и освещают ход судебного расследования. В рамках данной статьи автор уделяет внимание описанию и анализу источников, а также приводит их содержание. Благодаря изучению отписок воевод по этому делу можно выявить алгоритм запуска и хода воеводского суда Новгородской земли в начале XVII века, определить состав должностных лиц, производивших следственную процедуру и их полномочия. Автор приходит к выводу о том, что отписки воевод не дают полной информации о завершении судебного разбирательства, но могут внести ясность в понимание времени, места совершения преступления, его состава и участников. Судя по содержанию документов, ограбление судна английского посла группой разбойников, являлось одним из примеров криминального промысла, организованного крестьянами, который был типичен для рубежа XVI–XVII веков, подобные прецеденты являлись элементом повседневности и не преследовали целью срывы переговорного процесса.

Ключевые слова: Смутное время, Великий Новгород, воеводский суд, посольство Джона Меррика, Якоб Делагарди

Библиографический список

Башнин, Н. В. Сбор налогов в смуту на северо-западе (по новгородским документам из архива СПбИИ РАН) // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 60–72.

Безус, Н. Б. Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгорода) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». 2011. № 14. С. 43-52.

Безус, Н. Б. Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. Великий Новгород, 2017. С. 73–80.

Бессуднова, М. Б. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 135–147.

Болдырев, Р. В.; Кончакова, Е. М. Шведское присутствие в Великом Новгороде начала XVII в. в свете современной российской историографии // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 175–182.

Нордквист, Л. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива // Петербургский исторический журнал. 2015. №2. С. 285–303.

Попова, Е. М. К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время // Ученые записки УО «Витебского Государственного университета им. П. М. Машерова». Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. Т. 28. С. 65–69.

Селин, А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. Санкт-Петербург: БЛИЦ, 2008. 752 с.

Information about the article

Author: Popova Elizaveta Mikhailovna — Assistant of the Department of World History and International Relations of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; ORCID: 0000-0001-6929-0999, Web of Science Researcher ID: AAG-3426-2019, SPIN-code: 9836-1731; e-mail: kowkaforever@yandex.ru

Title: «And ambassador's letters…all were thrown into the water»: the experience of studying a crime in Novgorod land at the beginning of the 17th century

Abstract: This article touches on one of the extraordinary aspects of the Time of Troubles, namely an example of criminal activity in Novgorod land in the beginning of the 17th century, which fell under the jurisdiction of Novgorod voivode trial. The research was carried out on the basis of a number of voivode responses and minutes of interrogation from the archives of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, some of which are published in full for the first time and thus introduced into scientific circulation. The documents used in the research highlight the robbery of the ship of the English ambassador and distinguished diplomat John Meyrick who took part in the negotiation process regarding the conclusion of the Treaty of Stolbovo of 1617. In 1615 Meyrick's ship was robbed by Novgorod peasants and Cossacks. The documents provided in the article reveal the elements of the criminal incident and cover the judicial investigation. The author of this article addresses the analysis and description of the sources and cites their content. Through studying the voivode responses, it is possible to identify the algorithm for launching and running the voivode trial in Novgorod land in the beginning of 17th century, to determine officials engaged in the investigation as well as their authority. The author concludes that the voivode responses do not provide enough information on the completion of the trial, but they can clarify the time and place of the crime as well as its elements and perpetrators. Judging by the content of the documents, the robbery was an example of crimes organized by peasants, typical for the turn of 16th–17th centuries. Such crimes were mundane, and the robbery was not intended to disrupt the negotiation process.

Keywords: the Time of Troubles, Veliky Novgorod, voivode trial, ambassador John Meyrick, Jacob De la Gardie

References

Bashnin, N. V. Sbor nalogov v smutu na severo-zapade (po novgorodskim dokumentam iz arhiva SPbII RAN) [Collecting taxes in the Time of Troubles in the north-west (according to Novgorod documents from the archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)], in Stolbovskij mir i vozvrashchenie Novgorodskoj zemli v sostav Rossijskogo gosudarstva = The Treaty of Stolbovo and the return of Novgorod land to Russia, 2017, pp. 60–72. (in Russian)

Bezus, N. B. Iz istorii stanovleniya sudebnoj vlasti v Rossii (na primere Novgoroda) [From the history of the formation of the judiciary in Russia (on the example of Novgorod)], in *Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya «Gosudarstvo i pravo» = Bulletin of The Komi Republican Academy of State Service and Administration. Series "State and Law"*, 2011, no. 14, pp. 43–52. (in Russian)

Bezus, N. B. Primenenie norm prava v Novgorode v period shvedskoj okkupacii v nachale XVII v. [Administration law in Novgorod in the period of Swedish occupation in the early 17th century], in *Stolbovskij mir i vozvrashchenie Novgorodskoj zemli v sostav Rossijskogo gosudarstva = The Treaty of Stolbovo and the return of Novgorod land to Russia*, 2017, pp. 73–80. (in Russian)

Bessudnova, M. B. Beregovoe pravo Srednevekovogo Novgoroda: v prodolzhenie diskussii, [The coastal law of Medieval Novgorod: continuing the discussion]. In NIS = Novgorod historical collected book (NHCB), 2015, iss. 15(25), pp. 135–147. (in Russian).

Boldyrev, R. V.; Konchakova, E. M. SHvedskoe prisutstvie v Velikom Novgorode nachala XVII v. v svete sovremennoj rossijskoj istoriografii, in NIS [The Swedish presence in Veliky Novgorod in the early 17th century in the light of modern Russian historiography], in *NIS = Novgorod historical collected book (NHCB)*, 2015, vol. 15(25), pp. 175–182. (in Russian)

Nordkvist, L. Neskol'ko chelobitnyh iz Novgorodskogo okkupacionnogo arhiva [Several petitions from the Novgorod occupation archive], in *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal = Saint-Petersburg Historical Journal*, 2015, no. 2, pp. 285–303. (in Russian)

Popova, E. M. K voprosu o prirode razboev v Novgorodskoj zemle v Smutnoe vremya [To the question of the nature of robberies in the Novgorod land in the Time of Troubles], in *Uchenye zapiski UO «Vitebskogo Gosudarstvennogo universiteta im. P. M. Masherova» = Scientific notes of Vitebsk State University named after P. M. Masherov*, 2018, vol. 28, pp. 65–69. (in Russian)

Selin, A. A. Novgorodskoe obshchestvo v epohu Smuty [Novgorod society during the Time of Troubles]. Saint-Peterburg: BLITS Publ., 2008. 752 p. (in Russian)

Для цитирования статьи:

Попова Е. М. «А посолские де писма…все в воду пометали»: опыт изучения одного преступления в Новгородской земле начала XVII века. *Caurus*. 2022. Т. 1. № 1. С. 90–103. DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-90-103

For citation:

Popova E. M. «And ambassador’s letters…all were thrown into the water»: the experience of studying a crime in Novgorod land at the beginning of the 17th century. *Caurus*. 2022. Vol. 1(1). P. 90–103. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2022-1(1)-90-103